

Košel'kova, Jevgenija Andrejevna

Московский текст в романе Д. А. Глуховского «Текст»

Opera Slavica. 2023, vol. 33, iss. 1, pp. 17-26

ISSN ISSN 1211-7676 (print); ISSN ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2023-1-2>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.78269>

License: [CC BY-SA 4.0 International](#)

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20230704

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Московский текст в романе Д. А. Глуховского «Текст»

Moscow Text in the Novel by D. A. Glukhovsky “Text”

Евгения Андреевна Кошелькова

(Трнава, Словакия)

Абстракт:

Цель данной статьи заключается в анализе образа Москвы в романе Дмитрия Алексеевича Глуховского «Текст». Несмотря на то, что основоположник концепции Петербургского текста В. Н. Топоров настаивал на уникальности этого локального текста, сегодня для исследователей очевиден факт существования и развития Московского текста. В данном исследовании нами проанализированы мифопоэтическая основа произведения, основные типы героев, образ толпы, поэтика урбанизма. В заключении мы приходим к выводу о том, что данный роман можно считать продолжением концепции Московского текста.

Ключевые слова:

московский текст; мифопоэтика; мифологема; топос; образ Москвы; Глуховский; «Текст»

Abstract:

The purpose of this article is to analyze the image of Moscow in the novel by Dmitry Glukhovsky “Text”. Even though the founder of the concept of the Petersburg text V. Toporov insisted on the uniqueness of this local text; today, the fact of the existence and development of the Moscow text is obvious to researchers. In this study, we analyzed the mythopoetic basis of the work, the main types of heroes, the image of the crowd, the poetics of urbanism. In conclusion, we conclude that this novel can be considered a continuation of the concept of the Moscow text.

Key words:

Moscow text; mythopoetics; mytheme; topos; image of Moscow; Glukhovsky; “Text”

Дискуссия о существовании Московского текста (в отличие от признанного всеми исследователями Петербургского текста еще после работ В. Н. Топорова¹), можно сказать, подошла к своему логическому заключению только к концу второго десятилетия XXI века. Для начала отметим научный семинар «Москва и „московский текст“» в МГПУ, организуемый доктором филологических наук, профессором Н. М. Малыгиной. В процессе дискуссии о «сакральной роли Москвы для России, архетипичности этого образа-символа, связи московского топоса с другими российскими топосами (Петербург, провинция, юг России), московской мифологии и др.»². исследователи пришли к заключению о том, что Московский текст содержит в себе совокупность концептов, кодов, объединяющих те произведения, в которых имеются отсылки на тот или иной локус, и необходимых для признания феномена того или иного локального свертхтекста. Е. А. Коршунова в своей монографии «Вариации русского модернизма: С. Н. Дурылин» сводит перечень этих концептов к следующим:

- наличие исходного мифа, лежащего в основе дальнейших художественных построений;
- структурная важность места действия, единственно возможного для развертывания описанных событий и становящегося одним из «героев» литературного произведения;
- «особый отпечаток», который носят на себе москвичи — литературные герои;
- особые художественные характеристики городского пространства;
- связанность произведений с уже существующим «предтекстом», к которому в равной степени можно отнести и московскую поэзию XVIII в., и «Бедную Лизу» Н. М. Карамзина, и московские легенды, фольклор, широко бытовавшие как в простонародье, так и в литературном быту интеллектуальной элиты³.

Также особого внимания заслуживают работы А. П. Люсого. В 2012 году в свет выходит его статья «Текстуальная революция или семиотическая мутация? Об одном культурологическом путешествии в петербургской маршрутке, концептуализированном пробкой на улице Пестеля», в которой обосновывается термин «текстуальная революция». «Своей концепцией «Петербургского текста» В. Н. Топоров бросил методологический вызов России, и та ответила

- 1 TOPOROV, V. N.: *Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannyje trudy*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo, 2003
- 2 KALMYKOVA, V. V.: *Mežvuzovskij naučnyj seminar «Moskva i moskovskij tekst v russkoj literature. Moskva v sud'be i tvorčestve russkich pisatelej»*. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogičeskogo universiteta. Serija: Filologičeskoje obrazovanie*, 2011, № 2, s. 131–133.
- 3 KORŠUNOVA, Je. A.: *Variacii russkogo modernizma: S. N. Durylin*. Moskva–Berlin: Direkt-Media, 2021, s. 220–221.

ему текстуальной революцией гуманитарного знания. Вызов заключался в заявленной эксклюзивности данной концепции, постулирующей ее «непереносимость» на другие пространства. Ответ — в повсеместном учреждении разнообразных локальных «текстов культуры» разного уровня и масштаба: московского, киевского, сибирского, алтайского, уральского, волжского, саратовского, самарского, кавказского, вятского, елецкого, муромского, северного и т. д.»⁴. А уже в 2013 году в книге «Московский текст: текстологическая концепция русской культуры» А. П. Люсый подтверждает наличие феномена Московского текста через анализ мифологии, связанной со столичным пространством, московской мифологизированной модели и ее текстуальных качеств⁵.

Важная отличительная черта Московского текста — стремление к трансформации. Связано это, в первую очередь, с тем, что сама Москва, в отличие от Санкт-Петербурга, склонна к трансформациям. Санкт-Петербург — застывший слепок, накладывающий свой отпечаток на каждое новое поколение петербуржцев. Подтверждается это тем, что мифы, лежащие в основе Петербургского текста идентичны как для литературы XIX в., так и для литературы XX в. А вот мифы, лежащие в основе Московского текста, постоянно трансформируются в соответствие с исторической эпохой. По мнению А. П. Люсого, одна из самых существенных трансформаций, которой подвергся «московский миф», произошла в первые годы советской власти. Связано это с идеологическим давлением новой власти на писательские умы, а также с возвращением столицы в Москву⁶.

«В литературе XX в. в образе Москвы актуализируется миф творения и его частные варианты — миф о строительной жертве, миф о клятвопреступлении и ритуальном убийстве (Москва — город на крови), миф о Москве — третьем Риме (Москва — город-храм) и эсхатологический миф (гибель старой Москвы вследствие царубийства и разрушения традиционного уклада в эпоху революционных преобразований)⁷. Однако «в прозе последних лет и особенно в массовой литературе Москва предстает уже не исторически сложившимся урбанистическим образованием, не оплотом идей православия, ареалом национальной ментальности, русскости, и не символом державы, несмотря на все

- 4 LJUSYJ, A. P.: Tekstual'naja revolucija ili semiotičeskaja mutacija? Ob odnom kul'turologičeskom putešestvii v peterburgskoj maršrutke, konceptualizirovannom probkoj na ulice Pestelja. *Kul'turologičeskij žurnal*, 2012, № 2, s. 1–12.
- 5 USYJ, A. P.: *Moskovskij tekst: Tekstologičeskaja koncepcija ruskoj kul'tury*. Moskva: «Izdatel'skij dom «VEČE»; ООО «Russkij impul's», 2013.
- 6 Там же, с. 122–123.
- 7 SELEMENEVA, M. V.: *Obraz Moskvy v ruskoj literature načala XXI veka. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Literaturovedenije, žurnalistika*, 2015, № 4, s. 94.

уличные «марши», а эпицентром капитализации государства с присущими для этапа первоначального накопления капитала реалиями, новой и характерной для времени мифологией, с новой системой присущих периоду глобализации кодов культуры»⁸.

Московский текст последних двух десятилетий вобрал в себя как традиционные элементы Московского текста, так и семиотические приметы новейшего времени. Он находит продолжение в творчестве многих авторов (Сергей Шаргунов, Роман Сенчин, Ольга Славникова, Владимир Маканин, Александр Иличевский, Евгений Гришковец, Дмитрий Липскеров, Виктор Пелевин и др.)⁹. Нам же представляется возможным дополнить этот список именем еще одного автора — Дмитрия Алексеевича Глуховского.

В своем первом реалистическом романе «Текст»¹⁰ Дмитрий Глуховский сохранил идейную установку, заложенную еще в фантастическую серию «Вселенная Метро 2033»: его интересует проблема выживания человека во враждебном, угнетающем мире¹¹. И тем самым враждебным миром в этом романе является Москва.

Цель нашего исследования — проанализировать образ Москвы на материале текста романа Д. А. Глуховского «Текст», соотнести и определить принадлежность или непринадлежность этого романа к Московскому тексту.

Для достижения этой цели мы проанализируем мифопоэтическую основу произведения, основные типы героев, образ толпы, поэтику урбанизма, а также рассмотрим лексический состав произведения, составляющий художественный код прочтения.

Одна из ключевых мифологем Московского текста — *город-женщина*. С. Ю. Неклюдов сделал обзор утвердившихся в XVIII в. риторических приемов, в соответствии с которым Москва в художественных и публицистических текстах рассматривается как женщина (мать, вдова), Москва — «мать градов» (В. П. Петров, Е. И. Костров, 1782), «матушка Москва» (М. М. Долгоруков «Плач над Москвою», 1782), «княжений знаменитых мать» (впрочем, и «России дочь любима»; И. И. Дмитриев, 1795), «матушка-столица» у А. И. Полежаева («Иван Великий», 1833), «матушка родная златоглавая Москва» у Л. А. Мея (1840)

-
- 8 LJUSYJ, A. P.: *Moskovskij tekst: Tekstologičeskaja koncepcija russkoj kul'tury*. Moskva: «Izdatel'skij dom «VEČE»; ООО «Russkij impul's», 2013.
- 9 SELEMENEVA, M. V.: *Obraz Moskvy v russkoj literature načala XXI veka. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Literaturovedenije, žurnalistika*, 2015, № 4, s. 94.
- 10 GLUCHOVSKIJ, D. A.: *Tekst: roman*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2017.
- 11 GIMRANOVA, Ju. A.: *Grotesk v romane D. Gluchovskogo «Tekst»*. *Ural'skij filologičeskij vestnik. Serija: Russkaja literatura XX–XXI vekov: napravlenija i tečenija*, 2020, № 1, s. 108.

и т. д.¹² Эта же мифологема является одной из самых важных в романе «Текст». В этом аспекте Москва является важной частью развития сюжета, потому что именно влюбившись в нее главный герой, Илья Горюнов, стремится менять свою провинциальную лобнянскую жизнь на столичную (далее после каждой цитаты в скобках будем указывать номер страницы издания¹³): *Вера его к Москве, конечно, ревновала; но он ей с Москвой не изменял* (с. 32), *И она [Вера] была очень мнительная: как только Илья влюбился в Москву, все ждала, что он ее бросит* (с. 85). Отличительной особенностью Москвы-женщины в этом романе является ее непостоянство. Главный герой видит два образа Москвы: ту, из которой «его забрали» в тюрьму, и ту, «в которую его выпустили» семь лет спустя. *Раньше вся она была обросшая яркими вывесками, киосками для торговли чем попало — а теперь посуровела, стряхнула с себя разноцветицу, разделась до гранита* (с. 8); *Она стала строже и прилизанней, серьезней, официальнее — и выглядела от этого по-понедельничному похмельной* (с. 9); *Москва за семь лет постарела* (с. 13). Разумеется, что Москва менялась вместе с самим героем. Ведь первоначальное восприятие Москвы происходит молодым, блестящим, стремящимся жить, жаждущим любви и счастья студентом-филологом (*А Илья обожал ее раньше, когда она притворялась сплошным галдящим базаром — ему казалось, что на этом базаре он сможет купить себе любое будущее* (с. 8)), а вторичное — взрослым мужчиной, осознавшим всю несправедливость столичной жизни. Однако «старение» Москвы не единственная трансформация, происходящая с ней. Москва днем и Москва ночью — еще два противопоставленных образа. Днем это «горящий», «испепеляющий» город: *Летняя Москва днем — микроволновка. Крутится медленно поднос Третьего, Садового, Кольцевой линии в метро, варят тебя невидимыми лучами* (с. 32); *Москва за окном расплавилась и потекла* (с. 313); *Это Москва жаром дышала, растопленная машинной гарью* (с. 13). А ночью она словно перерождается, восстает из пепла (еще одна традиционная для Московского текста мифологема **Москва — Феникс**): *Но когда кончат облучать, дадут продох, разбавят воздух, закатят солнце — становится Москва лучшим городом планеты* (с. 32).

Важная трансформация столичного образа в сознании главного героя — разочарование в Москве как в возлюбленной. Однако осознание важности города в своей судьбе не позволяет ему вовсе вычеркнуть ее из жизни, и Илья начинает воспринимать ее как мачеху, загубившую все юношеские стремления своим равнодушием (что выражается в экспрессивной лексике): *Москва Илье*

12 LJUSYJ, A. P.: *Moskovskij tekst: Tekstologičeskaja koncepcija russoj kul'tury*. Moskva: «Izdatel'skij dom «VEČE»; ООО «Russkij impul's», 2013, s. 55.

13 GLUCHOVSKIJ, D. A.: *Tekst: roman*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2017, 320 s.

была мачехой, Москве на Илью было насрать. А Лобня — как мать с. (313). Здесь же мы можем наблюдать и трансформацию образа Москвы как «столицы провинции», сложившегося в литературе XIX века после переноса столицы в Санкт-Петербург, в оппозицию «столица/провинция». То есть здесь уже четко прослеживается невозможность принятия Москвой ничего «немосковского». Несмотря на то, что Лобня, откуда родом Илья, находится от Москвы всего в 44-х километрах, она приравнивается к провинциальному городу и ее жители в Москве чужие: [...] *чувствовал себя в ней чужим, туристом* (с. 9). Интересную метафору, репрезентующую концепт «свой — чужой» в отношении Москвы и провинции, можем наблюдать в следующем примере: *Ну вот — съездил он теплушкой по железной дороге на другую сторону России. Отбыл семь лет в зазеркальном отражении Москвы* (с. 25). Под зазеркальным отражением Москвы подразумевается город в Пермском крае Соликамск, в котором Илья отбывал тюремное наказание. Зазеркалье — некое вымышленное пространство, «сказочное» место, где все, по сравнению с реальностью, наоборот. Однако происходит еще одна трансформация: если для Москвы провинция является зазеркалем, то для Ильи, для провинциала, сама Москва становится иллюзией: *Он ступал по Москве осторожно, чтобы она от слишком широких взмахов и слишком уверенных шагов и в самом деле не оказалась бы сном и не рассеялась бы* (с. 9).

Также репрезентантом иллюзорности, сказочности Москвы становится идея о **городе — волшебной земле**. Молодой студент воспринимает Москву как щедрый город, город возможностей: *В Москве земля была волшебная, удобренная гормонами роста: ткни в нее свои желания — вырастут и работа денежная, и модные друзья, и девушки самые красивые* (с. 8); *Москва и сама была от себя пьяная, и всех своим хмелем угощала. В ней все было возможно. И от Москвы не ubyло бы, если б Илья отщипнул от ее пухнущего сладкого теста свой кусочек счастья* (с. 9). Однако эта иллюзия растворяется после отбывания незаслуженного тюремного срока. Складывается впечатление, что эта «плодородность» достигается посредством невинных человеческих жертв. Ведь именно такой жертвой стал и сам Илья Горюнов, которого незаслуженно посадил Петр Хазин только ради лишней звезды на погонах: *За заляпанными окнами плыли громадные трубы ТЭЦ — серые бетонные конусы-котлы с основанием толщиной в стадион, жерла раскрашены в шашечку; над ними поднимались и упирались в потолок жирные рукодельные облака, которых никакой ветер порвать не мог. Вроде бы тепло в Москве делали из газа. Но Илье казалось, что в эти котлы что-то мясное должны были кидать, потому что из прозрачного бесплотного газа такого наваристого дыма выходить не могло* (с. 183).

Этот же мотив иллюзорности можно рассмотреть и на примере важного топонима — ночной клуб «Рай», который стал точкой невозврата для главного героя. Для Ильи это место противопоставлено традиционному православному раю: *Эдем с зелеными лужайками, белыми шмотками и арфой — не рай, а какой-то буржуйский дом престарелых. Двадцатилетним в такой умирать беспонтово* (с. 35). А вот земной «Рай» в его восприятии действительно райское место: от архангелов-секьюрити (*И «архангел», который и сам когда-то был человеком, припомнил это и пустил их обоих в «Рай»* (с. 34)) до «богов» в золотых ложах, наблюдающих за смертными (*[...] из многоэтажных золотых лож сыто глядели на совершенные бедра неизвестные боги, сновали вокруг них пресмыкающиеся официанты, смертные терлись друг о друга на танцполе, добывали огонь. Горячие, целовались по углам, постанывали в ненадежно запертых кабинках. Все говорили, никто не слышал. Клуб был чем-то обратным от земной жизни; может, и раем, а что? (с. 34))*. Однако и эта иллюзия растворяется с приходом группы госнаркоконтроля под руководством Петра Хазина. Именно в «Раю» происходит абсолютно земное падение Ильи от студента до осужденного после подброшенных ему Петром наркотиков за попытку уберечь Веру. Примечательно, что по возвращении в Москву после отбывания тюремного срока Илья отправляется к «Раю», чтобы посмотреть на «точку исхода». Однако на месте «Рая» встречаем другой символический топоним — клуб «Icon»: *Обошел «Икону» кругом: все закупорено, понедельник. ... Икона как икона. Можно и на такую перекреститься. Жалко, креститься не о чем* (с. 202); *Тоже про бога, значит. [...] Про что бог, спросил себя. Почему, где **самый ад**, его так любят приплести?* (с. 202).

Мотив оторванности Москвы от все остальной России продолжается и в космологическом образе столицы. Москва не просто отдельная планета, Москва — солнце, главная звезда, дарящая жизнь всей остальной провинциальной «солнечной системе»: *Москва — сама себе светило, ей звезды не нужны* (с. 33). И эта звезда обладает невероятной притягательностью, гравитацией. И несмотря на неприятие всего «немосковского» она против своей воли притягивает людей со всех концов страны: *Его затягивало в Москву гравитацией, он вспотел: падал в Солнце* (с. 50). А ночью с заходом солнца сила гравитации столицы становится в разы сильнее, потому что она уже не звезда, а черная дыра: *Электричку все быстрее втягивало в ночную Москву, как в черную дыру, и из самой середины ее, из клуба «Рай», из-за горизонта событий, вопреки всем законам физики долетали могучие басы растущей музыки* (с. 31).

Еще одним репрезентантом концепта «свой — чужой» является мотив «завоевания» Москвы провинциальными девушками, которым противопоставлены коренные москвички, обладающие всеми благами жизни по праву рождения:

Значит, все-таки не москвичка. Студентка? Имперскую столицу приехала завоевывать? (с. 130); Все, за чем летят в Москву обделенные при рождении мотылята, все, к чему липнут, — ей [речь о девушке — коренной москвичке] дали, когда она и попросить-то еще не успела (с. 148). В этом же мотиве мы видим реализацию традиционного для Московского текста мифологемы **город-блудница**, которая зачастую находит буквальное воплощение в женских образах. «Город-блудница ищет спасения (понятно, мнимого) в отдаче всем и любому, в превращении каждого „насильника“ (с точки зрения города-девы) в своего покровителя»¹⁴. В романе же подобно городу, отдающему себя первому встречному ради спасения, дается представление о девушках, готовых выйти замуж за любого, кто спасет их от клейма провинциалки: [...] что она просто мечтает зацепиться в Москве любой ценой, что ей все равно, за кого выскочить (с. 153).

Специфической чертой городского текста как такового является наличие героев, которые несут на себе отпечаток этого города. Это замкнутый круг влияния человека на город и города на человека. И главный герой «Текста» в определенный момент осознает, что Москва не сама по себе такая, какой он ее видит. Москва — это, в первую очередь, люди, населяющие ее: *Смотрел на Москву в прищур и думал: она только кажется домами и дорогами. Все, конечно, делают люди. С кем будешь, такой город и увидишь* (с. 250).

Также специфической чертой Московского текста является образ толпы. В литературе русского зарубежья — это толпа паломников или рыночная толпа, а в советской литературе — очередь, толпа посетителей увеселительных заведений¹⁵. В «Тексте» же Глуховский не выделяет отдельные категории людей, составляющих толпу. Все москвичи — толпа. Безликая, равнодушная (как и сама Москва), нетерпеливая: многие взбирались по ступеням, не могли дотерпеть полминуты: [...] *наверху безотлагательные дела. Москвичи очень спешат жить* (с. 9); *Там никто никого не знает в лицо, там у людей памяти на один день хватает* (с. 18).

Важной частью художественного кода прочтения Московского текста является специфика московского ландшафта, которая традиционно получает вербальную реализацию следующими лексическими единицами: *кривые улицы и переулки, паутина улиц, захолустная сторона, глухие уголки, заглохлые сады, перекрестки, старые заборы, высотные дома, шахты Метрополитена*. В романе глуховского этот мотив продолжается, но посредством иной лексики:

14 LJUSYJ, A. P.: *Moskovskij tekst: Tekstologičeskaja koncepcija russkoj kul'tury*. Moskva: «Izdatel'skij dom «VEČE»; ООО «Russkij impul's», 2013, s. 18.

15 Там же, с. 148.

Удивительный был город — Москва. **Отовсюду понадерганный, скроенный из ворованных лоскутов, пестрый и потому настоящий** (с. 198); *Впереди половина неба была заставлена башнями Сити. За семь лет их прибавилось — беспорядочно, случайно, как будто сталагмитовросло. Или полипов* (с. 51). Здесь подтверждается противопоставление Москвы и Санкт-Петербурга, заложенное еще Топоровым, в основе которого «лежит упорядоченность строений, господство прямых линий в архитектуре»¹⁶ северной столицы и хаотичность московского ландшафта.

В заключении, проанализируем соответствие романа Д. А. Глуховского «Текст» критериям выделения Московского текста:

- «Текст» реализует традиционные мифологемы, лежащие в основе Московского текста (*Москва — Феникс, город-женщина и город-блудница*);
- место развития событий чрезвычайно важно, т. к. Москва в романе максимально персонифицирована и является одним из действующих персонажей;
- литературные герои — москвичи — носят на себе особый «столичный отпечаток». Это хорошо прослеживается при сопоставительном анализе двух главных персонажей — Ильи Горюнова, который не москвич, которому все в Москве приходится «выгрызать», и Петра Хазина, которому, как «москвичу по крови», все предоставлено по праву рождения;
- в романе дана традиционная для Московского текста характеристика городского пространства: Москва, в отличие от структурированного Санкт-Петербурга, «понадергана из лоскутов»;
- роман продолжает традиции Московского текста последних двух десятилетий. Москва здесь предстает как большая иллюзия, обманка для наивных провинциалов, стремящихся к хорошей жизни. Здесь, как и в других «московских» произведениях последних двух десятилетий, образ Москвы динамичен. Он включает и образ толпы как признак равнодушия этого города, и противопоставленные образы коренных москвичей и провинциалов.

Таким образом, нам представляется возможным считать роман «Текст» реализацией Московского текста.

16 Там же.

Библиография:

- GIMRANOVA, Ju. A.: Grotesk v romane D. Gluchovskogo «Текст». *Ural'skij filologičeskij vestnik. Serija: Russkaja literatura XX–XXI vekov: napravlenija i tečenija*, 2020, № 1, s. 107–113. ISSN 2306-7462.
- GLUCHOVSKIJ, D. A.: *Tekst: roman*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2017, 320 s. ISBN 978-5-17-103521-1.
- KALMYKOVA, V. V.: Mežvuzovskij naučnyj seminar «Moskva i moskovskij tekst v ruskoj literature. Moskva v sud'be i tvorčestve russkich pisatelej». *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogičeskogo universiteta. Serija: Filologičeskoe obrazovanie*, 2011, № 2, s. 131–133. ISSN 2074-7829.
- KORŠUNOVA, Je. A.: *Variacii russkogo modernizma: S. N. Durylin*. Moskva–Berlin: Direkt-Media, 2021, 388 s. ISBN 978-5-4499-2655-5.
- LJUSYJ, A. P.: *Moskovskij tekst: Tekstologičeskaja koncepcija ruskoj kul'tury*. Moskva: «Izdatel'skij dom «VEČE»; ООО «Russkij impul's», 2013, 320 s. ISBN 978-5-4444-1505-4.
- LJUSYJ, A. P.: Tekstual'naja revoljucija ili semiotičeskaja mutacija? Ob odnom kul'turologičeskom putešestvii v peterburgskoj maršrutke, konceptualizirovannom probkoj na ulice Pestelja. *Kul'turologičeskij žurnal*, 2012, № 2, s. 1–12. ISSN 2222-2480.
- SELEMENEVA, M. V.: «Moskovskij tekst» v tvorčestve R. Senčina. *Puškinskije čtenija*, 2015, № XX, s. 131–139.
- SELEMENEVA, M. V.: Obraz Moskvy v ruskoj literature načala XXI veka. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Literaturovedenije, žurnalistika*, 2015, № 4, s. 93–103. ISSN 2312-9220.
- TOPOROV, V. N.: *Peterburgskij tekst ruskoj literatury: Izbrannyje trudy*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo, 2003, 616 s. ISBN 5-210-01545-9.

About the author

Evgeniia Koshelkova

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Faculty of Arts, Department of Russian Studies, Trnava, Slovakia

koshelkova2@ucm.sk

<https://orcid.org/0000-0001-9487-0012>

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.